

РГБ – Российская государственная библиотека
РСЭ – Русская стихотворная эпитафия. Вступ. статья, сост., подг.
текста и примечания С. И. Николаева и Т. С. Царьковой. СПб., 1998
ТОДРЛ – Труды отдела Древнерусской литературы
ТрКДА – Труды Киевской Духовной Академии

А. Кулева
Москва

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ УСЕЧЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVII ВЕКА

Усеченные прилагательные в целом можно определить следующим образом: это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции, причем как в именительном, так и в косвенных падежах. К усеченным прилагательным примыкают усеченные формы местоимений, причастий и субстантивированных форм.

Использование усеченных прилагательных считается характерной чертой языка поэзии XVIII в., например: *Поля покрыла мрачна ночь; Взошла на горы черна тень; Несчетны солнца там горят* (М. Ломоносов, «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», 1743); *Высоку песнь и дерзновенну, Неслыханну и невнушенну, Я слабым смертным днесь пою: Всяк преклони главу свою* (Г. Державин, «О удовольствии», 1798).

Обычно усеченные прилагательные рассматриваются как искусственные книжные формы, по структуре близкие именным прилагательным, но по своему грамматическому значению и синтаксической функции относящиеся к парадигме полных (местоименных) прилагательных. Причиной появления усечений принято считать использование их в качестве поэтической вольности, версификационного элемента, а способом образования – отсечение («усечение») окончаний [5; с. 227]. Употребление таких форм в поэтическом языке связывается с несовершенством силлабо-тонической поэзии, появившейся только в XVIII в. (нередко встречается представление о том, что до XVIII в. стихотворчество не было свойственно русской литературе, и поэзия является одним из культурных заимствований послепетровской эпохи). «Реформа стихосложения, начатая Тредиаковским и оправданная блестящими опытами Ломоносова, очень остро ставила вопрос просто об умении писать стихи, то есть подчинять требованиям метрики

грамматически оформленное слово. Поэтому для стихотворцев того времени громадное практическое значение приобретают всякого рода неравносложные морфологические варианты, предоставлявшие возможность известного выбора языкового материала в соответствии с требованиями стиха. Попытка приспособить формы русского языка к требованиям стихосложения с тем, чтобы облегчить стихотворную практику и вместе с тем удержать ее в рамках «природного» русского языка, отразилось, между прочим, в теории так называемых поэтических вольностей» [1; с. 127].

Как представляется, в общепринятой точке зрения на усеченные прилагательные могут быть подвергнуты сомнению некоторые утверждения:

- 1) усечения – это искусственные формы;
- 2) они выполняли техническую версификационную функцию;
- 3) потребность в такой функции вызывалась несовершенством русской поэзии, возникшей только в XVIII в.

Проблема происхождения и употребления усеченных прилагательных привлекала внимание многих ученых (А. М. Пешковский, Г. О. Винокур). Наиболее полно и последовательно история усеченных прилагательных излагается, в частности, в работах Г. О. Винокура «Русский литературный язык в первой половине XVIII в.», «Русский литературный язык во второй половине XVIII в.» и «Наследство XVIII в. в стихотворной речи Пушкина».

Исследователи отмечали, что усеченные формы ведут свое происхождение из церковнославянского языка, в котором краткие (именные) прилагательные (как качественные, так и относительные) до сих пор употребляются в атрибутивной функции. Существенно, что именно в славянских грамматиках, например, у Мелетия Смотрицкого, широко употреблялся термин «усеченные прилагательные», который применялся по отношению к старым именным формам, противопоставляемым «целым», то есть полным прилагательным [1, с. 347].

Говоря о том, что усеченные формы имеют более глубокую историю, чем это зачастую утверждается, целесообразно коснуться вопроса о времени зарождения русской поэзии.

Русская поэзия традиционно считается явлением европейской культуры, искусственно перенесенным на русскую почву, изначально чуждым собственно русской культуре. Когда говорится о зарождении и развитии в XVIII в. «новой», европейской литературы (прежде всего – поэзии), речь идет не о какой-либо связи с предшествующей поэтической традицией, а о полном противопоставлении ей и в форме стиха, и в тематике. В связи с этим особый интерес представляет поэзия XVII в., практически неизвестная широкому читателю.

По словам М. Л. Гаспарова, «огромное богатство текстов русской силлабической поэзии 1660–1740 гг. (а в провинции этим стихом писали и дальше) до сих пор удовлетворительно не собрано и не издано» [4; с. 32].

Рифмованные отрывки встречаются в произведениях начала XVII в. – Авраамия Палицына, Семена Шаховского, Ивана Шевелева-Наседки. Неравносложные вирши с парной рифмовкой, возможно, восходящие к говорному стиху, писали поэты так называемой «приказной школы», которая существовала в 1630–50-х гг. В нее входили приказные чиновники (например, дьяк Посольского приказа Алексей Саввич Романчуков), справщики Печатного двора – интеллектуальная элита белого и черного духовенства (например, справщик Савватий). Для их творчества характерно сочетание светского и церковного элементов. Эти поэты опирались на русскую филологическую традицию XVI в., в частности, на творчество Максима Грека, развивали книжную традицию, восходящую к Византии (например, разрабатывали жанры стихотворного послания, акростиха). С приходом патриарха Никона «приказная школа» распалась, потому что ее главнейшие деятели пострадали за противодействие церковной реформе. Отголоски их творчества обнаруживаются в некоторых произведениях идеологов старообрядчества. Можно предположить, что дальнейшее развитие русской силлабической поэзии опиралось не только на западную традицию, но и на творчество этих авторов, которых с трудом еще можно назвать поэтами в привычном для нас смысле этого слова.

На смену относительному силлабизму пришел равносложный стих «новоиерусалимских поэтов» (среди которых архимандриты Герман и Никанор), которые были названы так по построенному при патриархе Никоне Вознесенскому на Истре монастырю (иначе – Новый Иерусалим), во второй половине XVII в. игравшему роль литературного центра. «Новоиерусалимские поэты» писали равносложные силлабические вирши, чаще всего 11 и 13-сложники, с характерной чертой польского влияния – женской рифмовкой, порожденной постоянным ударением на предпоследнем слоге в польском языке [10, с. 80–82].

Более известны авторы второй половины XVII в. – Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, в творчестве которых традиции русской книжной поэзии обогатились сильнейшим влиянием украинско-польской силлабики.

Наиболее полно творчество поэтов-досиллабиков первой половины XVII в. представлено в сборнике «Виршевая поэзия (первая половина XVII в.)». М., 1989 [2]. Состав авторов и употребление в их произведениях форм имени прилагательного отражены в табл. 1.

Таблица 1

Текст по изданию: Виршевая поэзия (первая половина XVII в.) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинниа, А. А. Илюшина. М., 1989.	Объем текста	Полные формы (+ притяж. прил.)	Краткие (атрибутив.)	Краткие (предик.)	Всего
1	2	3	4	5	6
Иван Фуников. Послание дворянина к дворянину	69 стихов	13	3	3	19
Федор Гозвинский. Вирши на Езопа	16 ст.	0	Нет	0	0
Федор Гозвинский. Слово о нравах серебролюбца	25 СТ.	6	2	6	14
Федор Гозвинский. Авторская помета	9 СТ.	0	Нет	0	0
Антоний Подольский. Послание священноиерею Симеону Федоровичу	131 СТ.	117	10	0	127
Антоний Подольский. Послание некоему серебролюбителю <в защиту Косого>	152 СТ.	88	9	13	110
Антоний Подольский. Послание к некоему горду и величаву	207 СТ.	124	11	24	159
Антоний Подольский. Послание к некоему	643 СТ.	410	48	39	497
Авраамий Палицын. Стихи о том, «како господь немощных укрепил...»	12 СТ.	15	1	2	18
Авраамий Палицын. Стихи о «побиваемых у дров»	24 СТ.	0	Нет	0	0
Евстратий. «Единому богу в Троицы...»	12 СТ.	0	Нет	0	0
Иван Шевелев-Наседка. Из «Изложения па люторы»	33 СТ.	32	2	4	38
Иван Шевелев-Наседка. Написание о лютом враге Мартине	264 СТ.	290	9	21	320
Иван Шевелев-Наседка. О римских и латынских папехах	334 СТ.	323	15	36	374
Семен Шаховской. Послание князю Д. М. Пожарскому	317 СТ.	289	24	27	340
Семен Шаховской. Послание к некоему другу zelo полезно	36 СТ.	15	3	5	23
Семен Шаховской. Молитва против разлучения супружества	12 СТ.	0	Нет	0	0

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
Семен Шаховской. Молитва преподобному Димитрию, Вологодскому чудотворцу	30 СТ.	0	Нет	0	0
Иван Хворостинин. Молитва Христу Богу	24 СТ.	22	3	0	25
Иван Хворостинин. О гонении на святую церковь краеграние сие по буквам	206 СТ.	147	4	13	164
Иван Хворостинин. Двоестрочное согласие, вместо предисловия, к читателю	98 СТ.	43	5	8	56
Иван Катыв-Ростовский. Начало виршем, мятежным вешем	28 СТ.	12	1	0	13
Федор Шелешпанский. Послание князю Семюну Ивановичу	61 СТ.	38	4	1	44
Федор Шелешпанский. Послание князю Алексею Никитичу	23 СТ.	14	3	2	20
Алексей Зюзин. Послание Стефану Матвеевичу	69 СТ.	43	7	4	54
Михаил Татищев. Послание царю	103 СТ.	88	18	6	112
Борис Репнин-Оболенский. Казание о человеческой жизни двоестрочно	61 СТ.	49	5	4	58
Стефан Горчак. Послание Ивану Васильевичу. Двоестрочие	38 СТ.	29	1	2	32
Стефан Горчак. Послание справщику Арсению Глухому	155 СТ.	101	6	16	123
Стефан Горчак. Послание старцу Венедикту	100 СТ.	93	6	3	102
Стефан Горчак. Послание старцу Симеону	35 СТ.	27	3	0	30
Стефан Горчак. Послание Федору Кузьмичу	97 СТ.	83	17	9	109
Стефан Горчак. Виршевый Домострой	261 СТ.	166	35	15	216
Сын Стефана Горчака. Послание от сына ко своему отцу	149 СТ.	91	10	17	118
Сын Стефана Горчака. Послание к матерем	239 СТ.	140	8	18	166
Справщик Савватий. Послание Силе Матвеевичу	89 СТ.	49	5	5	59
Справщик Савватий. Послание князю Алексею Ивановичу	86 СТ.	56	2	9	67
Справщик Савватий. Послание Кизолбаю Петровичу	75 СТ.	40	5	4	49
Справщик Савватий. Послание боярину Ивану Никитичу	63 СТ.	51	5	3	59

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
Справщик Савватий. Второе послание боярину Ивану Никитичу	105 СТ.	63	3	12	78
Справщик Савватий. Послание Алексею Саввичу	113 СТ.	66	6	5	77
Справщик Савватий. О слабом обычае человечестем	448 СТ.	232	29	35	296
Справщик Савватий. Послание архиерею, взыскующему мудрости	105 СТ.	68	1	4	73
Справщик Савватий. От дидакала некого к высокоумну	68 СТ.	37	7	3	47
Справщик Савватий. Фрагмент послания некоему, обвиняющему в неразумном исправлении книг	197 СТ.	113	17	14	144
Справщик Савватий. Послание дьяку Василию Сергеевичу	92 СТ.	56	13	9	78
Справщик Савватий. Послание дьяку Василию Львовичу	134 СТ.	77	15	8	100
Справщик Савватий. Послание князю Семену Ивановичу	50 СТ.	19	2	9	30
Справщик Савватий. Послание Михаилу	146 СТ.	86	9	6	101
Справщик Савватий. Послание князю Алипию Никитичу	73 СТ.	49	10	7	66
Справщик Савватий. Послание протопопу Никите Васильевичу	120 СТ.	105	4	14	123
Справщик Савватий. Послание царю Михаилу Федоровичу	193 СТ.	158	17	18	193
Справщик Савватий. Наставления ученику князю Михаилу Никитичу	239 СТ.	139	27	19	185
Алексей Романчуков. Послание	36 СТ.	13	5	3	21
Алексей Романчуков. Запись в альбом Гартману Грамману	8 СТ.	8	1	0	9
Нафанаил. Послание	8 СТ.	0	Нет	0	0
Мартирий. Послание	8 СТ.	0	Нет	0	0
Мардарий. Послание	8 СТ.	0	Нет	0	0
Михаил Злобин. Послание дьяку Василию Львовичу	192 СТ.	113	16	14	143
Михаил Злобин. Дружеское послание Алексею Саввичу. Прощение Михалка Злобина	50 СТ.	0	Нет	0	0

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Михаил Злобин. Ино < послание > ко иному о щедротстве	54 СТ.	40	10	3	53
Агафон Тимофеев. Послание боярину Борису Ивановичу	54 СТ.	33	6	3	42
Михаил Рогов. Предисловие к «Кирилловой книге»	229 СТ.	263	9	27	299
Ларион. К Феоктисту	38 СТ.	12	1	3	16
Феоктист. От Феоктиста к Лариону старцу отвещание	123 СТ.	99	20	3	122
Петр Самсонов. Послания Михаилу Стефановичу	90 СТ.	61	10	7	78
Петр Самсонов. Послание Фоме Стефановичу	50 СТ.	19	10	0	29
Петр Самсонов. Послание Василию Иосифовичу	37 СТ.	19	2	0	21
Петр Самсонов. Послание Михаилу Федоровичу	17 СТ.	8	3	0	11
Петр Самсонов. Послание Ивану Киприановичу	52 СТ.	34	3	2	39
Петр Самсонов. Послание Григорию Евдокимовичу	54 СТ.	29	9	0	38
Петр Самсонов. Послание Михаилу Игнатьевичу	77 СТ.	44	2	1	47
Михаил Игнатьевич. Ответ Петру Самсонову	12 СТ.	3	2	5	10
Ермолай Азанчеев. Послание Марку Ивановичу	47 СТ.	29	2	4	35
Тимофей Акундинов. Декларация Московскому посольству	105 СТ.	61	1	8	70
Евфимия Смоленская. Молитва Господу Богу благодарная и песьнь плачевная	249 СТ.	90	19	20	129
Алексей Онуфриев. Стихи двострочни о книзе сей	28 СТ.	11	3	7	21
Алексей Онуфриев. Стихи кресту господню похвални двострочни	10 СТ.	0	Нет	0	0
Алексей Онуфриев. Ини стихи всечестному и животворящему кресту	89 СТ.	39	6	7	52
Алексей Онуфриев. Молитва честному и животворящему кресту	25 СТ.	11	6	0	17
	8219	5411	596	599	6608

Виршевую поэзию обычно определяют как неравносложную силлабическую [9, с. 293] или как говорной стих [4, с. 28]. Очевидно, что в таком стихе, практически не упорядоченном ритмически, потребность в версификационных элементах возникнуть не могла. Однако краткие атрибутивные прилагательные в произведениях XVII в. встречаются достаточно часто, например: *юноши светлы предстоят 52; подавляют семена доброплодна 63; муж мудр и разумен написа 8; безвременен год наста 25; целомудр нрав стяжеши 71; велико дело поставляет 3; всяка гордость 71; полагаши добродетель многу 5; видяще честь велику 8; в злохитру и лукаву душу 49; в незнанну страну 76; зла дела не творити 6; от всяка лжслова 33; от нарочита дидоскала 53; из мутны тины чиста вода не истекает 65; ни самому мудру мужу 8; отрочати младу 31* (автор и произведение – см. в табл. 1).

Язык поэзии XVII в. близок церковнославянскому. По многим признакам его можно определить как стандартный книжный регистр письменного языка (то есть практически церковнославянский) [6, с. 529–531].

Если сравнить употребление кратких атрибутивных прилагательных в языке поэзии XVII–XVIII вв. и в церковнославянском языке, можно отметить следующее. В рассмотренных нами текстах на церковнославянском языке (Евангелие от Матфея, угрение и вечерние молитвы; см. табл. 2) из 636 форм прилагательных 152 – краткие формы в атрибутивном употреблении (22%). В силлабо-тонической поэзии XVIII в. краткие атрибутивные формы встречаются в 100 текстах из 150 рассмотренных произведений различных авторов (от Третьяковского до Державина). Всего в этих текстах употреблено 988 усеченных форм (из 3336 форм прилагательного, 30%). В поэзии XVII в. краткие атрибутивные формы представлены в 69 текстах из 80 (причем отсутствуют эти формы только в сравнительно небольших текстах – см. табл. 1), всего таких форм 596 (из 6608 форм прилагательного, 10%).

Интересно сопоставить и частотность использования кратких атрибутивных форм. Если в церковнославянском языке наиболее употребительными оказались формы Р м.-ср. ед. (47 употреблений), И-В м. ед. (30) и В ж. ед. (25), то в поэзии XVII в. – И-В м. ед. (143), Р м.-ср. ед. (125) и И-В мн. (105), а в поэзии XVIII в. – И-В мн. (381), И ж. ед. (202) и В ж. ед. (183) (см. табл. 2). Можно отметить, что язык поэзии XVII в. в этом отношении ближе церковнославянской традиции, чем язык силлабогонической поэзии, что подтверждается и фактом использования форм, не встречающихся в поэзии XVIII в., например – Г мн.: *ползует кого словесы утешны (66)*.

Таблица 2

	Церковнославянский язык	Поэзия XVII в.	Поэзия XVIII в.
Рассмотрено текстов		80	150
Из них с «усечениями» (краткими атрибутивными формами)		70	100
Формы			
И-В м. ед.	30	143	38
И-В ср. ед.	14	42	87
И ж. ед.	5	31	202
В ж. ед.	25	66	183
И-В мн.	12	105	381
Р м.-ср. ед.	47	125	74
Р ж. ед.	3	2	5
Р мн.	1	0	0
Д м.-ср. ед.	9	81	18
Д ж. ед.	1	0	0
Т мн.	1	1	0
П м.-ср. ед.	4	0	0
Всего форм	152	596	988
Всего форм прилагательного	636	6608	3336
Объем текстов		8219 стихов	8810 стихов

Одним из признаков искусственности усеченных форм считается их образование от прилагательных и причастий, не имеющих краткой формы (относительных прилагательных, действительных причастий), окказиональность их употребления. Например, в поэзии XVIII в.: *российска монархия* (Третьяковский, «Ода торжественная о сдаче города Гданска», 1734), *парнасски девушки*, *бунтующ ветр* (Сумароков, «Эпистола П. О стихотворстве», 1747), *майска ночь* (Херасков, «Ода XIX. Лестя», 1769) и др. Однако подобные формы можно найти и в поэзии XVII в.: *смыслу королевску дивитися 12*, *летописна книга 22*, *озарение лунно 26*, *юза сребрена и злата 46*, *православны царие 79*. Следует отметить, что в церковнославянском языке употреблялись именные атрибутивные формы прилагательных всех разрядов. Например, в Евангелии от Матфея встречаем такие примеры: *животно благоволение*, *горушно зерно*, *усмен* (кожаный) *пояс*.

Приведенные наблюдения позволяют сделать следующие предположения:

4) усечения – это формы не столько искусственные, сколько унаследованные из предшествующей традиции (из церковнославянского языка), позднее переосмысленные;

5) усечения не только выполняли техническую версификационную функцию в поэзии XVIII в., но и несли определенную стилистическую нагрузку, обусловленную их церковнославянским происхождением;

6) русская поэзия не появилась в XVIII в. на пустом месте, но опиралась на предшествующую традицию.

Таким образом, развитие русской поэзии в XVII–XVIII вв. представляется последовательным и естественным процессом.

Литературная и культурная традиция перестала осознаваться, но не превратилась, так как была усвоена через творчество А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, создавших традиции литературы нового времени.

Литература

1. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 492 с.
2. Виршевая поэзия (первая половина XVII в.) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. 480 с.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 2003. 272 с.
4. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 2002. 352 с.
5. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981. 359 с.
6. Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. М., 2004. 656 с.
7. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. 591 с.
8. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005. 312 с.
9. Кусков В. В. История древнерусской литературы. М., 1998. 336 с.
10. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. 290 с.

Э. А. Набиева

Уфа

К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНО-ХОРОВОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ В УФЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Вторая половина XIX в. в Уфе была отмечена значительным ростом творческой активности в области церковно-хорового пения. Одним из стимулов для ее развития послужила активная деятельность православных храмов Уфы. При каждом храме был организован церковный хор, так как его пение во время богослужения было необходимым православным каноном. В хор принимались певцы, обладавшие ровным голосом и музыкальным слухом. Наиболее способные из них, с хорошими вокальными данными, и умевшие петь по нотам, становились солистами. Таким образом, вокально-хоровое искусство дореволюционного Башкортостана было тесно связано с традициями православия,